

Александр Амфитеатров

Прошлое гражданского брака

Александр Валентинович
Амфитеатров

**Прошлое гражданского
брака**
(Женское нестроение #13)

«Въ настоящее время довольно много шума въ печати дѣлаетъ письмо г-жи Несторъ и г. Огузь, торжественно огласившихъ черезъ газеты свой гражданскій бракъ, за невозможностью или за нежеланіемъ вступить въ бракъ церковный. Поступокъ г-жи Несторъ и г. Огузь вызвалъ цѣлый рядъ интервью съ писателями, изъ которыхъ самыя умныя и дѣльныя мнѣнія высказали Леонидъ Андреевъ и г. Розановъ. Первый – объ идейной сторонѣ публикаціи: что не стоило такъ много шума дѣлать, чтобы похвалиться практическимъ примѣненіемъ института, который въ русской интеллигентной средѣ давнымъ давно уже упрочился и процвѣтаетъ, при безмолвномъ признаніи его фактической необходимости со стороны общества, формально скованнаго запретными традиціями церкви. Второй – о христіанскомъ оправданіи брака простымъ согласіемъ двухъ сторонъ, даже и съ церковной точки зрѣнія...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

**Александр Валентинович
Амфитеатров
Прошлое гражданского
брака**

Въ настоящее время довольно много шума въ печати дѣлаетъ письмо г-жи Несторъ и г. Огузъ, торжественно огласившихъ черезъ газеты свой гражданскій бракъ, за невозможностью или за нежеланіемъ вступить въ бракъ церковный. Поступокъ г-жи Несторъ и г. Огузъ вызвалъ цѣлый рядъ интервью съ писателями, изъ которыхъ самыя умныя и дѣльныя мнѣнія высказали Леонидъ Андреевъ и г. Розановъ. Первый – объ идейной сторонѣ публикаціи: что не стоило такъ много шума дѣлать, чтобы похвалиться практическимъ примѣненіемъ института, который въ русской интеллигентной средѣ давнымъ давно уже упрочился и процвѣтаетъ, при безмолвномъ признаніи его фактической необходимости со стороны общества, формально скованнаго запретными традиціями церкви. Второй – о христіанскомъ оправданіи брака простымъ согласіемъ двухъ сторонъ, даже и съ церковной точки зрѣнія. По компетентному мнѣнію такого знатока церковныхъ вопросовъ, какъ В. В. Розановъ, таинство брака осуществляется именно общественнымъ оглашеніемъ желанія сторонъ быть муже-

мъ и женою. Самый же обрядъ вѣнчанія религиозно не обязателенъ, такъ какъ онъ лишь результатъ и форма государственнаго захвата брачныхъ отношеній подъ свой контроль. Эру захвата этого В. В. Розановъ относитъ къ X-му вѣку, то есть къ проникновению въ Россію христіанства въ византійскихъ его формахъ.

Эра, конечно, правильная. Но она слишкомъ рѣшительна, такъ какъ можетъ опредѣлять собою лишь начало претензій церкви, внесшей въ удѣльно-вѣчевую Русь вѣянія византійской государственности и ея властное каноническое право, подчинить себѣ институтъ свободнаго брака, столь характерный для зари всѣхъ славянскихъ народовъ. Но было бы ошибкою думать, чтобы институтъ этотъ сдался византійскому новшеству безъ борьбы. И борьба была не только упорная, но и долгая. Въ каждой новообращенной славянской странѣ христіанство начинало свое вліяніе епископскими судами, въ компетенцію которыхъ, въ первую очередь, входили дѣла о неправильныхъ (съ церковной точки зрѣнія) бракахъ. Задачею судовъ

этихъ было лишить гражданскихъ правъ браки, которые возникали, существовали и прекращались, такъ сказать, въ явочномъ порядкѣ, обходя пришлый епископскій авторитетъ.

Многоженство – не коренной славянскій институтъ, – наносный отъ тюркскихъ кочевниковъ, но христіанство застало славянъ въ многоженствѣ, не только укоренившемся, но и обычномъ, юридически признанномъ. Церковные суды объявили многоженству рѣшительную борьбу. Однако, уничтожить гражданскую сторону полигамическаго брака христіанство не смогло даже на первыхъ порахъ своихъ, даже въ семьѣ такого благочестиваго челоуѣка, какъ креститель Руси, Владимиръ Святой. Онъ разстался съ своимъ языческимъ гаремомъ, но его новый христіанскій бракъ не погасилъ законности прежнихъ браковъ, и дѣти отъ Анны греческой не получили въ надѣлахъ своихъ преимуществъ предъ дѣтьми отъ Мальфриды, Рогнѣды, плѣнной инокини, вдовы Ярополка. Духъ рода еще торжествовалъ надъ силою церковнаго обряда, и актъ условленно-откры-

таго плотскаго сожительства и дѣторожденія былъ властнѣе мистическихъ понятій и словъ. Очень можетъ быть, что Борисъ и Глѣбъ погибли жертвами именно церковной попытки провести преимущество первородства въ христіанской семьѣ надъ родовымъ старшинствомъ въ свободномъ языческомъ бракѣ. Но и затѣмъ славянскій обычай отстаивалъ свое право соединять христіанство съ полигаміей цѣлыми столѣтіями. Иногда же оно охватывало славянскіе края съ новою силою, какъ вспышка угасающаго пожара. Такъ было, на примѣръ, въ Польшѣ, въ XVI-мъ столѣтіи. Учащеніе многоженства стало замѣтнымъ еще въ началѣ вѣка, – въ концѣ же его (1573) краковскій епископъ Францискъ Красинскій жалобно характеризуетъ полигамію, какъ обычай всеобщій. Тутъ надо очень помнить, что дѣло идетъ не о наложничествѣ, но именно о законномъ бракѣ, получавшемъ юридическую силу черезъ обычай, помимо церкви, – «кромѣ сея вѣры нашаея и греческое благовѣрство житія», какъ типически жалуются на русскихъ многоженцевъ правила митрополита Іоанна. Такъ что одноженство,

то есть лишеніе гражданскихъ правъ всѣхъ женщинъ, съ которыми живетъ мужчина, кромѣ одной, церковно обвѣнчанной, признавалось на Руси чужимъ, греческимъ, духовнымъ вторженіемъ, подобно тому, какъ чехи почитали его насиліемъ нѣмецкаго католическаго духовенства. Что касается наложничества, оно представляло собою институтъ особый, и еще Несторъ умѣлъ различать «видимыхъ женъ» отъ наложницъ. И эти послѣднія также не были совершенно безправны предъ лицомъ церковнаго брака. Владимиръ Святой былъ «робичичъ» — сынъ наложницы, равно какъ и многіе князья и именитые люди удѣльно-вѣчевого періода. Московскіе вѣка сурово гнали конкубинатъ, но петровская реформа и екатерининъ вѣкъ умягчили нравы. XVIII столѣтіе — эпоха возникновенія дворянскихъ фамилій, возникшихъ изъ знатнаго конкубината: Репнины, Бецкіе, Бобринскіе, одна вѣтвь Татищевыхъ, Лицыны, Рапцовы и пр. Что въ сознаниіи множества даже очень религіозныхъ людей обрядъ вѣнчаиія, и въ XVIII вѣкѣ, оставался скорѣе повинностью внѣшняго суевѣрія и приличія, чѣмъ созна-

тельною потребностью вѣры, свидѣтельствуютъ до комизма легкомысленныя многоженства, которыми необычайно богата сказанная эпоха. Когда скончался одинъ изъ дядей знаменитаго Вигеля, къ испугавшему племяннику явились просить помощи восемь овдовѣвшихъ тетокъ, потому что «честность правилъ дяди была видна даже среди волненій его страстей; слово «наложница» пугало его добродѣтель, и всякій разъ онъ, влюбясь въ какую-нибудь простую дѣвку, спѣшилъ соединиться съ нею законными узами».

Вторымъ дѣломъ, церковь наложила руки свои на свободу и порядокъ заключенія брака по согласію сторонъ. Всѣмъ извѣстна старинная языческая форма славянскаго брака черезъ «умыканіе», т. е. похищеніе невѣсты женихомъ по взаимному съ ней соглашенію. Похищеніе безъ согласія дѣвицы даже въ самыхъ древнихъ славянскихъ памятникахъ рассматривается, какъ наглый разбой, влекущій за собою жестокую родовую месть и смертную расправу. И, опять-таки, церковные суды на Руси оказались безсильны справиться-

ся съ такъ называемыми «уволочскими» дѣлами («аще уволочеть кто дѣвку») въ теченіе восьми вѣковъ: въ 1722 году Петръ Великій передалъ эту компетенцію свѣтской власти. Въ Польшѣ разгаръ воскресшаго брака чрезъ умыканіе относится къ XVII вѣку. Въ сербскихъ земляхъ онъ держался до XIX вѣка, – быть можетъ, держится и сейчасъ. Вообще, въ концѣ ковцовъ, «умыканіе», въ эволюціонныхъ своихъ метаморфозахъ, оказалось непобѣдимымъ для церкви, и она должна была примириться съ нимъ въ рядѣ компромиссовъ, вынужденныхъ необходимою выбора, чему торжествовать – или карѣ за брачное своеволие, или принципу нерасторжимости брака, хотя бы заключеннаго чрезъ своеволие. Принципъ нерасторжимости былъ дороже для церкви. И, такимъ образомъ, вся исторія умыканія сводится къ скачкѣ съ препятствіями двухъ захватовъ, которые справедливо отмѣтилъ г. Розановъ въ дѣлѣ Несторъ и Огузь: если брачующіеся опережали церковно-государственный захватъ ихъ брачнаго права своимъ захватомъ воли побратиться, то церкви и государству не остава-

лось ничего иного, какъ признать бракъ, заключенный противъ ихъ воли.

Церковное вѣнчаніе было и не по вкусу, и не по карману новокрещенному народу. Да и разстоянія въ древней Руси была такъ огромны, а пути сообщенія такъ трудны и опасны, что попа достигнуть и ханжѣ представлялось серьезнымъ странствіемъ. Люди же, религіозно безразличные, спокойно брачились фактически, такъ сказать, въ кредитъ будущаго таинства: набѣжить, молъ, попъ – такъ обвѣнчаемся, не набѣжить – такъ и безъ попа хорошо. Такъ и до сихъ поръ ведется у сибирскихъ инородцевъ, съ ихъ номинальнымъ христіанствомъ: оптовые браки *post factum* и оптовья крестины. Обычай неблагословенныхъ свадебъ вокругъ ракитоваго куста благополучно дожилъ въ народѣ до XIX вѣка. Стенька Разинъ, который зналъ, какъ потрафлять на народную психологію, совсѣмъ отмѣнилъ церковное вѣнчанье въ пользу старинныхъ лѣсныхъ браковъ у свящянаго дерева. Окраины Московскаго государства, въ особенности восточныя, всегда были пріютомъ гражданскаго брака, съ кото-

рымъ тщетно вело борьбу духовенство, хотя и усердно покровительствуемое царями. За неблагословенные браки били батогами, сажали въ тюрьмы, ссылали, а они, знай себѣ, держались и процвѣтали. Гражданскій бракъ даже и сейчасъ еще извѣстенъ во многихъ заволжскихъ углахъ подѣ типическимъ названіемъ сибирскаго. Дѣйствительно, Сибирь и была; и осталась классическимъ пріютомъ безцерковныхъ союзовъ, что объясняется тамъ не только рѣдкостью церквей и религіознымъ индифферентизмомъ сибиряковъ, но с безумною дороговизною мѣстныхъ свадебныхъ гулянокъ[1]. Расколъ получилъ благословеніе на гражданскій бракъ еще отъ протопопа Аввакума: «аще кто не имать іереевъ да живетъ просто». Государственное отрицаніе гражданскихъ правъ за внѣцерковными браками старообрядцевъ началось лишь съ тридцатыхъ годовъ ХІХ в., когда воинствующій николаевскій Синодъ открыто принялъ подѣ защиту свою сотни ренегатовъ, воспользовавшихся буквою свирѣпаго закона, чтобы покинуть и разорить своихъ не вѣнчанныхъ женъ. Но, за

всѣмъ тѣмъ, старообрядческій гражданскій бракъ устоялъ противъ преслѣдованій не только въ рационалистическихъ сектахъ, каковы молокане, или у мистиковъ, какъ духоборы, но даже и въ пріемлющихъ священство торговыхъ группахъ старой вѣры, и даже у городскихъ безпоповцевъ не нашлось большой охоты, ради формы, сгибать голову «подъ большіе колокола». Народная совѣсть честно замѣнила законъ обычаемъ, и подлости противъ семьи, не огражденной закономъ, въ старообрядчествѣ очень рѣдки. Расколъ выдержалъ характеръ и заставиль-таки признать свой бракъ. Еще недавно вся сановная Москва то и дѣло угощалась и пировала въ домѣ знаменитаго фабриканта-старообрядца (впослѣдствіи застрѣлившагося) и очень почтительно лобызала ручку красивой и образованной супруги его, и никого изъ этихъ превосходительствъ, свѣтлостей и сіятельствъ нисколько не смущало соображеніе, что милліонеръ обвинчанъ со своею супругою – лишь трижды объѣхавъ съ нею въ саняхъ вокругъ священнаго озера. Но вѣдь съ равнымъ правомъ можетъ считать

себя обвиняннымъ съ нею и кучеръ, который тогда ихъ возилъ, — острила Москва. Странность перваго вѣнчанія не помѣшала въ послѣдствіи одному изъ самыхъ вліятельныхъ превосходительствъ даже жениться на вдовѣ покойнаго капиталиста, какъ скоро она унаслѣдовала милліоны. «Тако, по надобности, и закону премѣна бываетъ».

Объднѣніе, недороды всегда сказываются въ народѣ учащеніемъ гражданскихъ браковъ въ ущербъ церковнымъ, которые, вслѣдствіе алчности иныхъ поповъ съ таксами, становятся крестьянству недоступными. Толкаетъ крестьянъ въ гражданскій бракъ и совершенная уже недостижимость для нихъ развода — едва-ли не самаго дорогого процесса русскаго. Въ мѣстностяхъ, гдѣ мужчины живутъ отхожимъ или морскимъ промысломъ, а бабы эманципировались оддночествомъ и монополіей домохозяйства, гражданскій бракъ быстро пускаетъ корни и начинаетъ предпочитаться церковному. Еще недавно я имѣлъ письмо изъ Архангельской губерніи о безцерковномъ брачномъ союзѣ въ знакомой крестьянской семьѣ, который такъ и характе-

ризовался – «гражданскій бракъ». То же самое въ присковыхъ мѣстностяхъ, на заволжскихъ солеварняхъ, на Поморьи. Во множествѣ мѣстностей русскихъ, въ особенности на сѣверныхъ, бывшихъ новгородскихъ земляхъ, – церковному браку обязательно предшествуетъ долгое внѣбрачное «пробное» сожителство невѣсты съ женихомъ, при чемъ, въ случаѣ появленія на свѣтъ потомства, фактическій авгоръ его обязанъ выдавать матери извѣстное содержаніе, даже если-бы разошелся съ нею, и бракъ не состоялся бы. Такъ называемое «привѣнчиваніе» дѣтей, теперь съ 1902 года утвержденное очень запоздалымъ закономъ, въ обычаѣ русскомъ держится уже десятки десятилѣтій. Самъ Петръ Великій подалъ примѣръ тому, «привѣнчавъ» въ бракъ съ Екатериною I дочерей своихъ Анну и Елизавету, впоследствии императрицу.

Что касается современнаго интеллигентнаго общества русскаго, то, конечно, Леонидъ Андреевъ совершенно правъ, находя, что гг. Несторъ и Огузь не стоило устраивать такой громкой помпы изъ-за такого обыденнаго дѣла, какъ интеллигентный гражданскій бра-

къ. Однажды, въ Петербургѣ, на юбилейномъ обѣдѣ М. Г. Савиной, гдѣ собрался весь цвѣтъ столичной интеллигенціи, я и художникъ К., между томительными рѣчами, отъ скуки стали считать, кто изъ присутствующихъ за столомъ можетъ похвалиться, что онъ прожилъ жизнь свою въ едннобрачїи по церковному правилу и обряду. Обѣдало челоуѣкъ 300, но врядъ ли мы насчитали даже 30. У Лѣскова даже, который былъ ханжа, и то есть рассказъ о «Дамѣ и фефелѣ», въ высшей степени сочувственный гражданскому браку въ литературной средѣ и очень мрачно рисующій неразрывныя узы незадаци въ бракѣ церковномъ; о лѣвыхъ писателяхъ – нечего и упоминать: ихъ протесты противъ брачныхъ закрѣпощеній безсчетны. Въ литературныхъ организаціяхъ взаимопомощи гражданскій бракъ имѣетъ такое же юридическое признаніе, какъ церковный, и даже больше, потому что подобнымъ организаціямъ не разъ приходилось отстаивать, напримѣръ, наслѣдственныя права фактической гражданской семьи покойнаго литератора противъ претензій семьи по законнымъ документамъ

давно прекратившагося, но формально нерасторгнутаго брака. Очень часто подобныя претензіи возникали на почвѣ бывшихъ когда-то въ модѣ, фиктивныхъ церковныхъ браковъ, значительная часть которыхъ изъ-за того и заключалась, чтобы стороны нашли свободу для фактическаго гражданскаго брака съ третьими лицами, не обладающими наличностью правъ къ супружеству. Сближеніе народностей русскихъ, потребности запретныхъ церковью союзовъ съ лицами не православнаго и даже не христіанскаго исповѣданія являются частыми факторами и гражданскаго брака и – какъ вспомогательной ступени къ нему – фиктивнаго. Особенно часты гражданскіе браки между евреями и русскими женщинами и, обратно, между еврейками и русскими мужьями. Вообще – сейчасъ, вопросъ о томъ, вѣнчана или не вѣнчана въ церкви жена литератора, художника, артиста, адвоката, словомъ, интеллигента свободныхъ профессій, – въ городской жизни – врядъ ли очень интересуетъ кого-либо посторонняго, кромѣ участковаго пристава, прописывающаго ихъ паспорта. И немно-

гочисленные ригористы, «зубры» своего рода, пытающіеся «лѣзть не въ свое дѣло», частенько попадаютъ въ глупѣйшія положенія. Церковью женатый X. встрѣчаетъ граждански женатаго Z. и снисходительно освѣдомляется о семьѣ его, но «женою» и м-мъ Z. назвать не хочетъ, а «дамою сердца» или тому подобнымъ милымъ прозвищемъ не смѣетъ. Поэтому мямлитъ и мычитъ:

– Ме-ме-ме-ме... Ну, какъ поживаетъ ваша прелестная.... ме-ме-ме-ме?.....

– Недурно, благодарю васъ, – съ хладнокровіемъ отвѣчаетъ Z., – а драгоцѣнное здоровье вашей очаровательной бе-бе-бе-бе?

У гражданской жены Y. трудное, длинное имя. Нѣкоторый писатель, святоша и фать, бесѣдуя съ нею о мужѣ, тонко даетъ ей догадаться, что супругами ихъ не считаетъ. Подслащая пилюлю, онъ, въ разговорѣ, учащенно величаетъ г-жу Y. по имени и отчеству.

– Зачѣмъ вы даете себѣ столько труда? – спокойно остановила его молодая женщина. – Зовите меня, какъ всѣ: м-мъ Y.... этого довольно!

Князь N. – плодъ гражданского брака

очень знатной особы съ гувернанткою. Отецъ, человекъ очень порядочный, узаконилъ его. Молодой человекъ, на высотъ, заважничалъ, забылся, сталъ заносчивъ и дерзокъ. Однажды, ухаживая за не весьма уже молодою актрисою V., о которой весь Петербургъ знаетъ, что она давнымъ давно – гражданская жена художника V., князекъ упорно, подчеркнуто, вызывающе зоветъ ее не мадамъ, но мадемуазель V., съ растроганнымъ лицомъ, благодарно беретъ его за обѣ руки.

– Милый! Вотъ когда я вѣрю, что вы, дѣйствительно, любите меня, какъ... свою родную мать!

– Мадемуазель?!

– Да, да. Вы не замѣчаете даже, какъ вы меня съ нею смѣшиваете....

Всѣ эти три случая – съ петербургской натуры.

Свобода брака опредѣляется двумя моментами его: заключеніемъ и прекращеніемъ – одинаково по волѣ брачующихся сторонъ. Начиная съ IX вѣка, повсемѣстно въ славянскихъ земляхъ восточная и западная церкви борются съ усвоенною

обычаемъ свободою развода. Такъ называемый «отпускъ» женъ былъ распространенъ и въ удѣлахъ, и въ Московскомъ государствѣ, къ нему не стѣснялись прибѣгать даже недовольные своими супругами князья, вѣрные союзники и опорные столпы церкви: Симеонъ Ивановичъ Московскій, Всеволодъ Александровичъ Холмскій. Отпускъ жены не препятствовалъ вторичному браку ни жены, ни мужа, — только съ XVI вѣка священнослужителямъ запрещено благословлять вторые браки лицъ, произвольно разрушившихъ свой первый бракъ: «на тотъ бракъ не ходи, иже двоеженецъ, или (!) треженецъ, или мужъ жену пустить безъ вины. Если же съ виною пустить, то, значить, можно вѣнчать: дѣло сводилось къ взаимодействию между попомъ и прихожаниномъ. Въ Польшѣ знаменитый Болеславъ отпустилъ послѣдовательно двухъ женъ, пока не нашелъ счастья въ третьей. Въ концѣ XVI вѣка Генрихъ Валуа, избранный въ короли польскіе, еще долженъ былъ присягать, что онъ не разведется съ женою иначе, какъ въ церковномъ порядкѣ. Отпуску женъ мужья-

ми соотвѣтствовало такое же произвольное оставленіе женами мужей, слѣды котораго доходятъ въ русскихъ памятникахъ также до XVI вѣка. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ съ отпускомъ супруговъ не церемонились ни знатные мужья, въ родѣ Ягужинскаго, либо Ганнибала (прадѣдъ Пушкина), ни знатныя жены, въ родѣ графини Бутурлиной или графини Апраксиной, устраивая безцерковные разводы или по собственному произволу или съ одобренія свѣтской власти.

Петръ поддержалъ разводъ Ягужинскаго, Елизавета, несмотря на свое ханжество, была также терпима къ разлученію супруговъ, Екатерина, по себѣ знавшая, что за радость жизнь съ противнымъ мужемъ, дала разводу фактическую свободу. Катонъ вѣка ея, кн. Щербатовъ насчитываетъ разошедшія пары въ Москвѣ и въ Петербургѣ цѣлыми сотнями. Манію развода высмѣивали Фонъ-Визинъ и молодой Крыловъ.

Что произволь односторонняго развода искони былъ сильнѣе церковнаго закона, свидѣтельствуется ранній компромиссъ церковнаго происхожденія, которымъ разводу

этому, въ качествѣ *faute de mieux*, придавалась, по крайней мѣрѣ, хотъ внѣшняя каноническая окраска: постриженіе одного изъ супруговъ въ монашество, — дѣйствительное или фиктивное, ибо «клобукъ не гвоздемъ ко лбу прибить», острили русскіе люди. Этотъ способъ отдѣлываться мужьями отъ женъ и женами отъ мужей, со временемъ, сталъ лютою язвою семейной жизни въ царствѣ Московскомъ. Сотни отвратительнѣйшихъ злоупотребленій заставили въ XVII вѣкѣ выступить противъ развода чрезъ постриженіе ту же самую церковь, которая въ XI-мъ и XII-мъ вѣкахъ дала это обоюдоострое оружіе въ руки недовольныхъ супруговъ. Было запрещено постригать женатыхъ молодыхъ людей, безъ согласія женъ и родителей (1667 г.). Однако запрещеніе, должно быть, плохо дѣйствовало, потому что въ 1681 году патріарху Іоакиму пришлось его подтвердить особымъ предписаніемъ. На патріаршія предписанія не предвидѣли Петра, который монашество ненавидѣлъ, но сестру и первую жену свою постригъ. Разведенную жену Ягужинскаго онъ тоже вынудилъ постричься.

Царевичъ Алексѣй самъ просился отъ него въ монастырь. Вообще, Петръ, человѣкъ. еще полный отголосками старой Москвы, находилъ монастырь очень удобнымъ видомъ безкровной гильотины, тихимъ способомъ гражданской смерти.

Еще менѣе властна была церковь надъ разводомъ двустороннимъ, по мирному соглашенію желающихъ разлучиться супруговъ. Такъ называемыя разводныя письма, упоминаемыя еще Герберштейномъ, благополучно дѣйствовали въ Россіи, вопреки соборнымъ воспрещеніямъ и патріаршимъ грамотамъ, до второй половины XVIII вѣка: только въ 1769 году, т. е. въ Екатерининъ вѣкъ, былъ изданъ законъ, рѣшительно воспретившій такое, уже совершенно гражданское, погашеніе брака. Но мы видѣли, что, противодѣйствуя разводу *de jure*, фактически Екатерина была на его сторонѣ, и потому власти смотрѣли сквозь пальцы, а самовольные разводы практиковались почти открыто и свободно до воцаренія Павла. Ему, мстительному сыну несчастнаго брака, въ которомъ взяли верхъ самостоятельность и геній женщины, при-

надлежать тѣ рѣзкія ограниченія свободы брака вообще и, въ частности, по разводу, которыя вошли впослѣдствіи въ николаевскій сводъ законовъ. Извѣстно, что ограниченія эти суровѣе, чѣмъ требуетъ даже Кормчая книга, и Павелъ выдержалъ изъ-за нихъ цѣлый богословскій споръ съ президентомъ Синода, митрополитомъ Гавріиломъ, который, несмотря на свой высокій духовный санъ и преклонный возрастъ, оказался гораздо либеральнѣе. Вообще, духовенство не было противъ разводныхъ грамотъ — настолько, что еще въ 1730 году понадобился указъ противъ священниковъ, которые, по просьбѣ духовныхъ дѣтей, скрѣпляли своими свидѣтельскими подписями самовольныя разводныя письма. Шестьдесятъ лѣтъ спустя Павелъ бросилъ Синоду въ упоръ обвиненіе, что духовенство потворствуетъ и разводамъ, и новымъ бракамъ разведенныхъ. Образцы разводныхъ грамотъ сохранились въ достаточномъ количествѣ, чтобы судить о силѣ и характерѣ этого правового обычая. Въ одной изъ нихъ, отъ 1697 года, особо оговорено разрѣшеніе мужу жениться на другой. Такъ

было на верхахъ общества. Въ народѣ разводъ осуществлялся еще того проще. Старинный, языческій бракъ заключался у воды, разорвать его также можно было лишь у воды, и языческій разводъ на много вѣковъ пережилъ языческую свободу. Мужъ и жена становились по двумъ сторонамъ ручья и тянули черезъ него тонкое полотенце, покуда оно не разрывалось пополамъ. Кусокъ сиволическаго холста оставался въ рукахъ мужа, кусокъ въ рукахъ жены, и бракъ объявлялся уничтоженнымъ, а супруги – вольными идти, куда имъ угодно, и жить – каждому по своей волѣ и съ кѣмъ хочетъ. Въ Черногоріи очень схожій обрядъ существовалъ еще въ XIX вѣкѣ, при чемъ, если расторгаемый бракъ продолжался болѣе десяти лѣтъ, мужъ обязанъ былъ выдавать женѣ пенсію въ размѣрѣ, определяемомъ мірскою сходкою.

Итакъ, мы видимъ, что процессъ закрѣпощенія русскаго брака закончился не такъ ужъ безнадежно давно, и что въ вопросѣ о раскрѣпощеніи его современность колеблеть совсѣмъ не тысячелѣтія и даже не вѣковыя традиціи, а просто-напросто сводъ

законовъ Николая I, который санкціонировалъ пылкіе запреты Павлова *trou de zèle*. Только конецъ XVIII ж первая половина XIX вѣковъ объявили безповоротными преступленіями – какъ произвольное вступленіе въ бракъ, такъ и произвольное его прекращеніе, а церковное бракосочетаніе и церковный разводъ обставили узкими ограниченіями, которыя превратили гражданскій бракъ, какъ естественный суррогатъ, изъ случая въ постоянное явленіе и изъ возможности въ необходимость. Даже въ вѣкъ Ярослава умѣли уважать психологическія и экономическія причины къ разводу. Такъ – супруги имѣли право разойтись; если: одна сторона убѣждалась, что другая промышляетъ воровствомъ, если мужъ, обремененный долгами, грабилъ имущество жены. Въ московскій періодъ – если мужъ былъ настолько тяжело боленъ, что пришлось совершить падъ нимъ обрядъ соборованія, то, по выздоровленіи, воля жены была жить съ нимъ дальше или покинуть его, какъ заживо мертваго, и выйти за друго-го (Маржеретъ). Вообще, старая Русь, при

всѣхъ деспотическихъ недостаткахъ ея брачнаго уклада, имѣла на вопросъ о брачной устойчивости взглядъ довольно трезвый. Его превосходно выразилъ послѣдній челоѡкъ старой Москвы и первый челоѡкъ новой Россіи, Петръ Великій, когда уговаривалъ Ягужинскаго развестись съ женою, одержимою припадками меланхоліи: «Богъ установилъ бракъ для облегченія челоѡка въ горестяхъ и превратностяхъ жизни, дурное супружество прямо противно волѣ Божіей, и потому столько же справедливо, сколько и полезно, расторгнуть его; продолжать же его крайне опасно для спасенія души». Лишь XIX вѣкъ, создавшій государственную и духовную бюрократію, постарался, въ союзѣ этихъ двухъ страшныхъ силъ, обратить церковный бракъ въ пожизненную тюрьму безъ просвѣтовъ и щелочекъ на свободу, съ довѣчными кандалами обрядовой формалистики, нерасторжимой между двумя существами, даже когда между ними расторгнуто все и по душѣ, и по плоти. Такъ что въ IX-мъ и X вѣкахъ, о которыхъ помянулъ г. Розановъ, гг. Несторъ и Огузь, пожалуй, еще никого не

удивили бы, да и не нуждались бы въ громкомъ оглашеніи своего гражданскаго союза: онъ былъ бы въ порядкѣ вещей. «Бунтъ» ихъ – гораздо современнѣе. Онъ идетъ далеко не противъ глухой старины, а, напротивъ, воюетъ лишь съ результатами тѣхъ, еще не столѣтнихъ даже, новшествъ, что внесены въ русскій семейный строй бюрократическимъ дыханіемъ Павловщины и Николаевщины. Россія успѣла уже столько изъ наслѣдій эпохъ этихъ переработать на новое, что неприкосновенными святыни ихъ почитаться болѣе нигдѣ не могутъ. Россія сняла безобразные николаевскіе мундиры съ сословій, суда, войска, науки, литературы, – пора ей снять старый заношенный мундиръ и съ брачнаго института. Или – не удивляться, что общество, выросшее изъ брачнаго мундира, вовсе перестаетъ его добиваться, и союзъ мужчины и женщины все чаще и чаще находитъ осуществленіе самъ по себѣ, по взаимнымъ довѣрію и совѣсти, равнодушно обходя и угрозу церкви – грѣхомъ, и угрозу государства – семейнымъ безправіемъ.

1907.

Примечания

См. мои «Сибирскіе этюды», изд. 2-е, или повѣсть «Побѣгъ Лизы Басовой» въ «Фантастическихъ правдахъ». (Москва, у Сытина).

[^^^]